

Научная статья
УДК 343.8
doi: 10.17223/22253513/56/6

Пробация и пробационная криминология

Владимир Александрович Уткин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, crim_tsu@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена юридическим аспектам и первому опыту реализации Закона о пробации. Он образует комплексный правовой институт, выходящий за рамки уголовно-исполнительного права. С его принятием понятия «пробация» и «пенитенциарный» впервые в России находят отражение в законе. Выявлен ряд недочетов Закона о пробации в части его терминологии, принципов, предмета регулирования, целей и задач. Рассматривая пробацию как специфическую социальную меру предупреждения рецидива преступлений, автор обосновывает вывод о формировании пробационной криминологии как отрасли криминологической науки. Именно с позиций криминологии необходимо оценивать «трудную жизненную ситуацию» и «индивидуальную нуждаемость» как основания пробационных мер. В предмет пробационной криминологии должна входить и так называемая теневая пробация, осуществляемая криминальными или полукриминальными структурами.

Ключевые слова: Закон о пробации, пробация, криминологические основания пробации

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

Для цитирования: Уткин В.А. Пробация и пробационная криминология // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 73–82. doi: 10.17223/22253513/56/6

Original article
doi: 10.17223/22253513/56/6

Probation and probation criminology

Vladimir A. Utkin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim_tsu@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to legal aspects and the first experience of implementation of the Federal Law “On Probation in the Russian Federation” in the country. It forms a complex legal institution that goes beyond the framework of criminal executive law. Its adoption increases public attention to the problem of re-socialization of criminals, expands the socio-humanitarian field of activity of the penal system. In this Law the concepts of “probation” and “penitentiary” for the first time in Russia are officially enshrined.

The practice of implementation of the Law on Probation is still small, but it is important for identifying the shortcomings of the legislation and determining ways to improve it. Taking into account the existing experience of probation, the author identifies a number of gaps and contradictions of the Law in terms of its terminology, principles, subject of regulation, goals and objectives. Referring to the experience of probation application in the Republic of Kazakhstan, the author does not support the proposals to include mandatory or coercive measures in the Law on Probation.

Consideration of probation as a specific social measure of prevention of crime recidivism gives grounds for the conclusion that it is expedient to single out probation criminology as a branch of criminological science. It is from the perspective of criminology that it is necessary to assess “difficult life situation” and “individual neediness” as grounds for probation measures in relation to those released from penitentiary institutions and convicts without deprivation of liberty.

The subject of probation criminology should also include the so-called “shadow probation” carried out by criminal or semi-criminal structures.

Keywords: Probation Law, probation, criminological grounds of probation

Financing: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No.24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

For citation: Utkin, V.A. (2025) Probation and probation criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 73–82. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/6

Федеральный закон РФ № 10-ФЗ от 6 февраля 2023 г. «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) с 1 января 2025 г. действует в полном объеме, регулируя общественные отношения в сферах исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации. В течение 2024 г. в пределах компетенции уголовно-исполнительных инспекций осуществлялась исполнительная пробация, а учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, проводили подготовку осужденных к освобождению, оказывая им содействие в будущем получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве. После освобождения это также возлагается на уголовно-исполнительные инспекции.

За все время действия УИК РФ (июль 1997 – январь 2025 г.) было принято 119 федеральных законов с его изменениями или дополнениями. Но специальный федеральный закон, частично регулирующий отношения в сфере исполнения наказаний, принят впервые. Это не противоречит Уголовно-исполнительному кодексу, поскольку, согласно ч. 1 ст. 2 УИК, «уголовно-исполнительное законодательство РФ состоит из настоящего Кодекса и других федеральных законов (выделено мной. – В.У.)». В то же время нельзя согласиться с суждением, что Закон о пробации в целом является субинститутом уголовно-исполнительного права [1. С. 127; 2. С. 80; 3. С. 204]. Он образует комплексный правовой институт, поскольку значительное число его норм по их юридической природе и предмету регулирования выходят за пределы уголовно-исполнительного правового регулиро-

вания. Это в целом вытекает из ст. 182 УИК, определяющей, что «осужденные, освобождаемые от ареста или лишения свободы, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством РФ и нормативными правовыми актами». Однако в свете Закона о пробации данная статья нуждается в корректировке, поскольку она упоминает о фактически не существующем аресте и ничего не говорит об освобожденных из исправительных центров. Невключение упомянутых норм в уголовно-исполнительное законодательство дает возможность, не противореча Конституции (ст. 71, п. «о»), детализировать их в законах субъектов Федерации, что и предусмотрено в ст. 2 данного Закона.

Само по себе принятие Закона о пробации значимо для уголовно-исполнительной системы (УИС) России не только в юридическом, но и в общесоциальном аспектах. Оно способствует развитию социально-гуманитарной составляющей её деятельности, повышению уважения к ней как к правоохранительной системе «с человеческим лицом», окончательному преодолению восприятия её в общественном сознании как «наследника ГУЛАГа». Кроме того, в обществе актуализирована проблема социальной помощи осужденным и освобожденным от отбывания наказания, хотя, как свидетельствует история, и с давних пор не чуждая российскому менталитету¹.

Закон о пробации обострил проблему «горизонтальных связей» на федеральном и региональном уровнях, определил и конкретизировал ряд направлений взаимодействия УИС с соответствующими государственными (федеральными и региональными) органами, социальными службами, медицинскими, образовательными учреждениями и органами, институтами гражданского общества, общественными и религиозными структурами. Он стимулировал региональное нормотворчество (принятие законов субъектов Федерации и ряда региональных программ).

Практика реализации исполнительной пробации пока относительно невелика. По официальным данным, за весь 2024 г. в Сибирском федеральном округе из примерно 140 тыс. осужденных, прошедших по учету в уголовно-исполнительных инспекциях, в среднем лишь 3,8% обращались с заявлениями об оказании им необходимого содействия (от 1,6% в Республике Алтай до 5,3% в Новосибирской области). Такое содействие получили три четверти обратившихся (3,9 тыс. чел.). Но и этот скромный опыт весьма значим как для самой практики, так и для выявления недочетов законодательства и определения путей его совершенствования, для развития научных представлений о роли, содержании пробации и её дальнейших перспективах.

Примечательно, что до принятия рассматриваемого Закона термины «пробация» и «пенитенциарный» не встречались в российском (а ранее – в советском) законодательстве, хотя довольно широко, но в разных смыслах

---

¹ Но вряд ли можно согласиться с тем, что «институт пробации осужденных является прообразом патроната» [4. С. 148]. Приведенный самим автором дореволюционный опыт патроната свидетельствует об обратном.

использовались в научной литературе. С начала XX в. понятие «пенитенциарный» традиционно отождествлялось с атрибутами мест лишения свободы, а словосочетание «пенитенциарная система» было идентично «системе мест лишения свободы» [5]. Соответственно, «постпенитенциарное воздействие» означало воздействие на освобожденных из мест заключения [6]. Позднее понятие «пенитенциарная система» порой стало трактоваться предельно широко, как синоним уголовно-исполнительной системы в целом или даже выходящее за её пределы [7. С. 111–112], что вряд ли оправдано.

Приведенные в ч. 1 ст. 5 Закона о пробации определения пенитенциарной и постпенитенциарной пробации отождествляют «пенитенциарные» учреждения с исполняющими лишение свободы либо принудительные работы. Тем самым термин «пенитенциарный» вполне обоснованно возвращен к его основному первоначальному смыслу.

Гораздо сложнее разобраться с понятием пробации, ибо международные акты и зарубежное законодательство дают почву для её неоднозначного толкования. Принятые в 2015 г. рекомендательные Правила Совета Европы о пробации определяют её как «широкий круг мероприятий и мер воспитательного воздействия, таких как надзор, контроль и оказание помощи, цель которых вовлечение осужденных в общественную жизнь, а также обеспечение безопасности общества» [8. С. 627]. Подобное определение в принципе допускает разнообразный контент, что и ведет к появлению различных вариантов пробации не только в странах дальнего зарубежья, но и на постсоветском пространстве [9]. К примеру, в принятом в 2016 г. Законе Республики Казахстан «О пробации» последняя включает в себя не только меры социальной помощи, но и «пробационный контроль», возлагаемый на полицию. Поскольку контрольно-принудительные функции полиции в отношении «клиентов» пробации на практике стали превалировать, Комитет уголовно-исполнительной системы МВД РК передал всю работу по ресоциализации осужденных и освобожденных местным органам исполнительной власти, как правило, не обладающим для этого необходимыми правовыми, организационными и ресурсными возможностями. Такое решение подвергается обоснованной критике как дезавуирующее социально-гуманистическую суть пробации [10. С. 147].

Судя по содержанию российского Закона о пробации (ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 5), он ограничивает пробацию сугубо социальной помощью осужденным или освобожденным, закрепляя в числе прочих принцип добровольности её применения (п. 6 ст. 3) в заявительном порядке либо с их согласия. Контролю за освобожденными от отбывания наказания посвящена и отдельная (от социальной помощи) ст. 183 УИК РФ, имеющая бланкетный характер. Однако логику установленных в ст. 3 принципов явно нарушает принцип «рациональности применения мер принуждения», которые Законом о пробации не предусмотрены. Нельзя же относить к таковым предупреждение о возможности прекращения оказания помощи (ст. 21). Тем не менее уже сейчас некоторые практики, основываясь в том числе на отмеченных противо-

речиях в ст. 3, предлагают ввести обязательную постпенитенциарную пробацию для отдельных категорий освобожденных с использованием элементов принуждения и контроля [11. С. 52]. Приведенный выше не вполне удачный опыт Республики Казахстан не позволяет согласиться с такими предложениями. Это, конечно, не означает игнорирования проблем профилактического надзора в целом¹ и постпенитенциарного контроля в частности, но решаться они должны не Законом о пробации.

Нетрудно заметить, что в основу Закона о пробации положены подходы и структура Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». К сожалению, в ряде случаев авторы законопроекта формально воспроизвели ряд его положений (причем не всегда удачных) без должной конкретизации. Это касается в первую очередь приведенного в ст. 5 наукообразного, весьма громоздкого и небесспорного по содержанию глоссария. Так, на практике и в науке до сей поры нет ясного понимания о содержательных сколько-нибудь значимых отличиях между «ресоциализацией», «социальной адаптацией» и «социальной реабилитацией» как направлениями пробации. В единой «связке» они используются и в подзаконных актах. Ознакомление с личными делами «клиентов» пробации и статистической отчетностью также свидетельствует, что все они обычно упоминаются одновременно. Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций тоже не в состоянии дифференцировать «клиентов» в зависимости от нуждаемости их в том или ином конкретном виде пробации.

В упомянутой ст. 5 противоречиво определен и круг «клиентов» пробации. Помимо осужденных и освобожденных из мест лишения свободы и исправительных центров, в ней также указаны «лица, которым назначены иные меры уголовно-правового характера». К последним Раздел VI УК РФ относит принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф. Но в отношении таких лиц какие-либо «пробационные» меры не предусмотрены (ч. 1 ст. 11 Закона о пробации).

К сожалению, нет должной ясности в формулировке целей и задач пробации. В части 1 ст. 4 Закона о пробации её целями и являются «коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, а также предупреждение совершения ими новых преступлений». Между тем в глоссарии (ст. 5), а также в ст. 26–26 упомянутого выше Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация определяются не как цели, а как комплекс мероприятий.

В свою очередь к задачам пробации отнесено, в частности, не помощь лицам, в отношении которых она применяется, а «создание условий» для ее

---

¹ Статья 23 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

оказания, что в конечном счете лишает необходимой определенности критерии эффективности пробации и позволяет устанавливать их путем бюрократического учета числа «оказанных содействий». Не случайно, по выборочным социологическим данным, в практике уголовно-исполнительных инспекций примерно треть всех «пробационных» мер в 2024 г. составляли «консультации по социально-правовым вопросам».

Если пробация («ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация») – форма профилактического воздействия (п. 7–9 ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г.), ее цель – предупреждение совершения новых преступлений лицами, в отношении которых применяется пробация (ч. 1 ст. 5 Закона о пробации), т.е. профилактика криминологического рецидива. Именно она, а не задача абстрактной социальной помощи как таковой обуславливает пробацию в качестве специфического направления государственной криминологической политики и определяет ее особенности среди иных направлений социальной деятельности. С таких позиций пробация – это **специфическая социальная мера предупреждения криминологического рецидива преступлений**. И именно данная цель оправдывает само существование службы пробации (в виде самостоятельной или в структуре уголовно-исполнительной системы) как государственной **правоохранительной службы**¹, а успехи в её достижении должны определять эффективность её деятельности. Пока же практика (как отмечено, весьма скромная) идет методом «проб и ошибок», фактически нередко превращая УИС в «министерство всего хорошего».

Сказанное требует усиления внимания к криминологическим аспектам пробации. К предмету криминологической науки относят преступность, ее детерминанты (причины и условия), личность преступника, меры предупреждения преступности [12. С. 17–23]. В криминологии выделяют Общую и Особенную части, а в рамках последней – пенитенциарную криминологию [13], предупреждение рецидивной преступности [14. С. 230–241]. За рубежом в рамках криминологии исследуют также проблемы системы уголовной юстиции, в том числе полиции, судов, пенитенциарной системы [15. С. 11]. При этом любая составная часть уголовной политики (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная и пр.) должна находиться в общем створе криминологической политики и с этой точки зрения оцениваться криминологами [16. С. 225].

Налицо предпосылки формирования и развития сравнительно новой отрасли криминологической науки – **пробационной криминологии**. В ее предмет во всяком случае должно входить криминологическое обоснование выбора конкретных видов пробации, их содержания и алгоритмов применения с учетом существовавших ранее, существующих или возможных в будущем факторов (детерминант) преступного поведения и личности преступника (осужденного, освобожденного) как потенциального или реального

---

¹ Включая охрану (защиту) прав и законных интересов её «клиентов» (ч. 2 ст. 5 Закона о пробации).

«клиента» пробации, индивидуальное криминологическое прогнозирование, исследование и сравнение вероятности и уровней криминологического рецидива отдельных категорий «клиентов» между собой, а также в сравнении с прочими группами осужденных и освобожденных от наказания.

«Размыванию» основной функции пробации способствует и ее нечеткое и противоречивое нормативное регулирование. Среди указанных в ст. 3 Закона о пробации принципов отсутствует целесообразность, хотя в ст. 31 («Порядок подготовки индивидуальной программы») последняя должна определять как наличие такой программы, так и её содержание. Кроме того, понятие «трудная жизненная ситуация», данное в п.9 ст. 5 упомянутого Закона, не имеет специфического криминологического содержания и буквально заимствовано из ст. 1 Федерального закона № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», тогда как данный Закон не имеет прямого отношения к осужденным либо освобожденным от наказания и тем более – к предупреждению криминологического рецидива. Очевидно, что не всякая «трудная жизненная ситуация» способна иметь криминологическое значение как потенциально детерминирующая повторное преступление.

Примечательно, что эта проблема как криминологическая понималась еще сто лет назад. В развитие норм ст. 10 ИТК РСФСР 1924 г. о помощи освобожденным из мест лишения свободы НКВД РСФСР в начале 1925 г. принял Положение о Всероссийском и губернских (областных, краевых) комитетах помощи содержащимся в местах заключения и освобожденным из них. В соответствии с ним она должна была осуществляться на основе «объединения государственных, профессиональных, кооперативных и политических учреждений и отдельных деятелей, желающих бороться с **нуждой, ведущей к повторной преступности** (выделено мной. – В.У.)» [17. С. 31]. Подчеркнем, что не со всякой нуждой (в которой в те годы пребывало большинство населения страны), а именно ведущей к повторной преступности. Те или иные пробационные мероприятия оправданы и целесообразны, лишь когда конкретная трудная жизненная ситуация применительно к конкретной личности послужила объективным условием ранее совершенного преступления либо способна выступать детерминантом нового.

Конкретные критерии нуждаемости личности должны свидетельствовать о наличии именно **криминологической индивидуальной нуждаемости**, а не индивидуальной нуждаемости «вообще» как «потребности лиц... в поддержке, необходимой для преодоления трудной жизненной ситуации (п. 10 ст. 5 Закона о пробации)».

Отсутствие необходимой четкости в законе выливается в пробелы и формализм на подзаконном уровне, что в итоге на практике ведет к бюрократизации. Закон о пробации (ч. 4 ст. 31) отнес утверждение критериев оценки индивидуальной нуждаемости осужденных, освобожденных к подзаконному нормативному регулированию. Этому посвящено Приложение № 4 к известному приказу Министерства юстиции РФ № 350 от 23 ноября 2023 г. «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным

законом от 06.02.23 № 110-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Приложение именуется «Критерии и методика оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации». Оно содержит 14 «критериев», причем их перечень не закрыт. К ним, в частности, относятся «необходимость консультирования по социальным и правовым вопросам», «необходимость содействия в трудоустройстве» и т.п. Но это, по сути, не критерии нуждаемости, а её разновидности. В случае формального подтверждения информации о наличии хотя бы одного из таких «критериев» лицо признается «нуждающимся» и «в отношении него принимается решение о целесообразности оказания такого содействия» (п. 8). Понятно, что термин «целесообразность» в данном случае излишен, ибо сам факт нуждаемости автоматически ведет к принятию решения о пробации. А основанием отказа в таковой служит также не нецелесообразность, а отсутствие хотя бы одного подтвердившегося критерия» (п. 9).

Выявление криминологических критериев индивидуальной нуждаемости и на этой основе – оптимальное определение круга «клиентов» пробации и перечня и содержания пробационных мер в перспективе может существенно повысить «адресность» таких мер и их эффективность в предупреждении рецидива преступлений среди освобожденных от наказания и осужденных без лишения свободы.

Пробационная криминология не должна пройти и мимо довольно распространенной в последние годы так называемой теневой пробации, в виде нелегальной трудовой деятельности, организуемой криминальными или полукриминальными структурами под благовидными предложениями «социальной помощи» освобожденным из мест лишения свободы или исправительных центров. Подобная теневая трудовая занятость социально уязвимых граждан на деле нередко превращается в жесточайшую эксплуатацию и даже рабский труд в условиях нарушений конституционных прав и свобод.

Список источников

1. Тепляшин П.В. Пробация как субинститут уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3 (56). С. 12–135.
2. Скиба А.П., Малолеткина Н.С. Закон «О пробации в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 80–90.
3. Ермасов Е.В. Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний при введении пробации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1-4), № 2. С. 200–210.
4. Санташов А.Л. Организационно-правовые проблемы реализации института пробации осужденных // Актуальные проблемы пробации в Российской Федерации : сб. материалов межрегиональной научно-практической конференции (Вологда, 18–19 июня 2024 г.). Вологда, 2024. С. 146–153.
5. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1924. 331 с.
6. Горобцов В.И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 53 с.
7. Юридический словарь для сотрудников пенитенциарной системы. Самара : СЮИ ФСИН России, 2013. 210 с.

8. Российское уголовно-исполнительное право. Т. 2: Особенная часть. М. : МГЮА, 2011. 792 с.
9. Агабекян А.Л. Непениitenciарные системы Европы. М. : Юрлитинформ, 2023. 176 с.
10. Рахимбердин К.Х. Преодоление наследия ГУЛАГа: из прошлого в современность уголовно-исполнительной системы Казахстана. Нур-Султан, 2022. 160 с.
11. Семенюк Ю.В. О мерах по реализации Федерального закона от 06.02. 2023-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» на территории Красноярского края // Актуальные проблемы пробации в Российской Федерации : сб. материалов межрегиональной научно-практической конференции (Вологда, 18–19 июня 2024 г.). Вологда, 2024. С. 48–52.
12. Криминология. М. : Юристъ, 2006. 734 с.
13. Пенитенциарная криминология. Рязань : Академия права и управления ФСИН России, 2009.
14. Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология : учебник. М. : Норма. Инфра-М, 2011. 304 с.
15. Клейменов И.М. Сравнительная криминология. М. : Норма. Инфра-М, 2012. 368 с.
16. Клейменов М.П. Криминология : учебник для вузов. М., 2011. 453 с.
17. Бюллетень НКВД РСФСР. № 5 (145). 4 февраля 1925 г. С. 31–33.

References

1. Teplyashin, P.V. (2023) Probatsiya kak subinstitut ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Probation as a substitute of penal enforcement law]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 3(56). pp. 12–135.
2. Skiba, A.P. & Maloletkina, N.S. (2023) Zakon “O probatsii v Rossiyskoy Federatsii” kak predposylka dal'neyshego razvitiya ugolovno-ispolnitel'nogo prava [The Law “On Probation in the Russian Federation” as a Prerequisite for Further Development of Criminal-Executive Law]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1(54). pp. 80–90.
3. Ermasov, E.V. (2023) Sovershenstvovanie normativno-pravovogo regulirovaniya v sfere ispolneniya ugolovnykh nakazaniy pri vvedenii probatsii [Improving the Normative-Legal Regulation in the Sphere of Execution of Criminal Punishments with the Introduction of Probation]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 18-2(1-4). pp. 200–210.
4. Santashov, A.L. (2024) Organizatsionno-pravovye problemy realizatsii instituta probatsii osuzhdennykh [Organizational and legal problems of implementing the probation institution for convicts]. *Aktual'nye problemy probatsii v Rossiyskoy Federatsii* [Current Problems of Probation in the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Vologda, June 18–19, 2024. Vologda. pp. 146–153.
5. Poznyshv, S.V. (1924) *Osnovy penitentsiarnoy nauki* [Fundamentals of Penitentiary Science]. Moscow: [s.n.].
6. Gorobtsov, V.I. (1995) *Problemy realizatsii mer postpenitentsiarnogo vozdeystviya* [Problems of implementing post-penitentiary measures]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
7. Malko, A.V. & Romashova, R.A. (eds) (2013) *Yuridicheskiy slovar' dlya sotrudnikov penitentsiarnoy sistemy* [Legal Dictionary for the Penitentiary System Employees]. Samara: SLI FSIN of Russia.
8. Kalinin, Yu.I. (ed.) (2011) *Rossiyskoe ugolovno-ispolnitel'noe parvo* [Russian Penal enforcement Law]. Vol. 2. Moscow: MSLA.
9. Agabekyan, A.L. (2023) *Nepeniitenciarnye sistemy Evropy* [Non-penitentiary systems of Europe]. Moscow: Yurlitinform.
10. Rakhimberdin, K.Kh. (2022) *Preodolenie naslediya GULAGa: iz proshlogo v sovremen-nost' ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Kazakhstana* [Overcoming the legacy of the Gulag: from the past to the present of the penal system of Kazakhstan]. Nur-Sultan: [s.n.].

11. Semenyuk, Yu.V. (2024) O merakh po realizatsii Federal'nogo zakona ot 06.02. 2023-FZ "O probatsii v Rossiyskoy Federatsii" na territorii Krasnoyarskogo kraya [On Measures for Implementing Federal Law No. 2023-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation" in the Krasnoyarsk Territory]. *Aktual'nye problemy probatsii v Rossiyskoy Federatsii* [Current Problems of Probation in the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Vologda, June 18–19, 2024. Vologda. pp. 48–52.
12. Antonyan, Yu.M. et al. (2006) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yurist".
13. Antonyan, Yu.M. et al. (2009) *Penitentsiarnaya kriminologiya* [Penitentiary Criminology]. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.
14. Kozachenko, I.Ya. & Korsakov, K.V. (2011) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Norma. Infra-M.
15. Kleymenov, I.M. (2012) *Sravnitel'naya kriminologiya* [Comparative Criminology]. Moscow: Norma. Infra-M.
16. Kleymenov, M.P. (2011) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yustitsinform.
17. RSFSR. (1925) *Byulleten' NKVD RSFSR* [Bulletin of the NKVD of the RSFSR]. 5(145). February 4, 1925. pp. 31–33.

Информация об авторе:

Уткин В.А. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim_tsu@mai.ru. ORCID: 0000-0001-9126-7971

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Utkin V.A., Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Executive Law and Criminology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: crim_tsu@mai.ru. ORCID: 0000-0001-9126-7971

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.03.2025;
одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 21.03.2025;
approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 26.06.2025.*